

Дмитрий Менделеев

Какая же академия нужна в России?

*Часть сборника
Познание России. Заветные
мысли (сборник)*

Дмитрий Иванович Менделеев
Какая же академия
нужна в России?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2573175

Аннотация

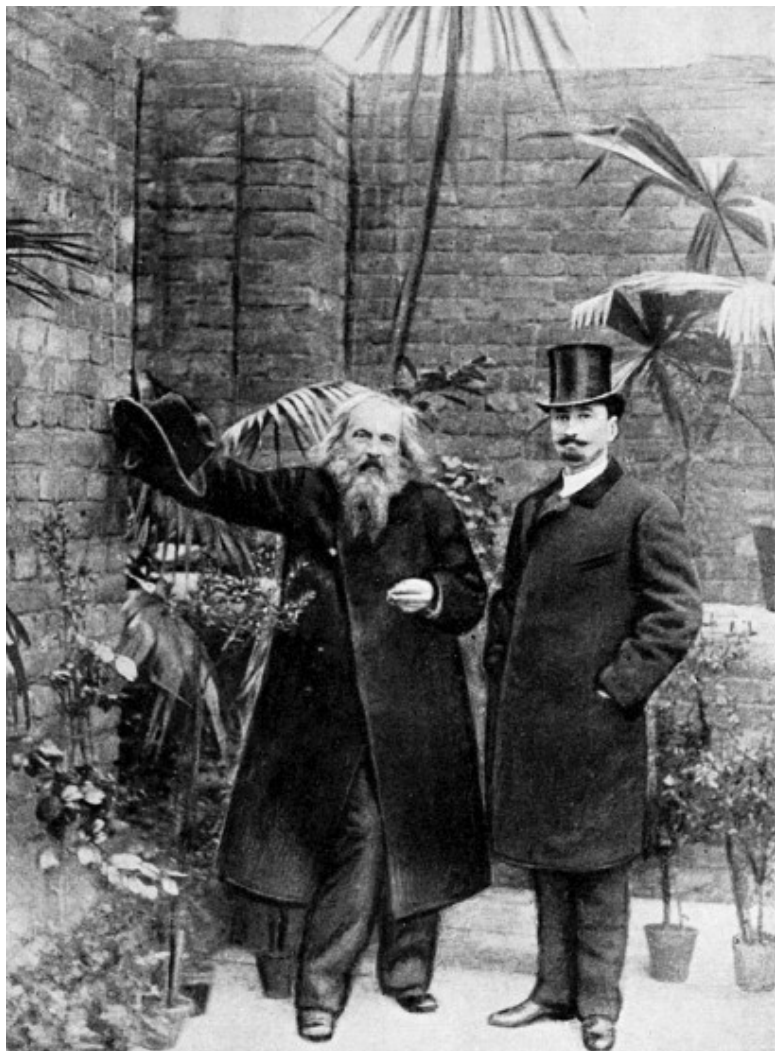
«Состав Академии, действительно русской и действительно составляющей центральное высшее ученое учреждение России, может и должен пополняться не только лицами, живущими и находящимися в Петербурге, но и лицами, действующими где бы то ни было в России, подобно тому как членами любого ученого общества, хотя бы, например, Берлинского химического общества, бывают лица, не только живущие в Берлине и в других частях Германии, а также и в других странах...»

Содержание

КАКАЯ ЖЕ АКАДЕМИЯ НУЖНА В РОССИИ? 7

Конец ознакомительного фрагмента. 12

**Дмитрий Иванович
Менделеев
Какая же академия
нужна в России?**

**Д. И. Менделеев и Д. П. Коновалов при закладке здания химической
лаборатории С.-Петербургского университета. 1892 г.**

КАКАЯ ЖЕ АКАДЕМИЯ НУЖНА В РОССИИ?

I

Оттого ли, что в современной Академии собралось много иностранцев, чуждых России, или же русских, не знающих ее, оттого ли, что принципы императорской Академии взяли верх над началами русской Академии, или оттого, что изменились сейчас условия времени, — во всяком случае, несомненно, что в том виде, в каком ныне существует Академия наук в Петербурге, она не имеет никакого значения не только для мирового развития науки, не только для интересов России, но даже и просто для того кружка лиц, который держится близ этого учреждения, когда-то славного и сделавшего немало как для развития знаний вообще, так и для изучения страны, в которой пришлось действовать этому кружку ученых.

Отчего это сделалось, как и в чем это выражается, я об этом вовсе не желаю говорить не только потому, что изложение подобного предмета всегда неизбежно повлечет за собой рассмотрение личных интересов ныне действующих людей, чего мне бы не хотелось вовсе делать, но еще в особенности

и потому, что изложение недостатков чего-либо, по моему мнению, никогда и нигде не приносило того значения и того объяснения, какое может принести хотя бы и не вполне созревшее, положительное мнение о том, чем же и как можно заменить ныне несовершенное. А потому я прошу стать на следующую точку зрения.

Допустим, что нынешняя Академия наук переделывается, ее начала изменяются. Это, конечно, будет сопряжено с некоторыми переменами личностей. Но не личностей будем касаться, а будем смотреть на институт Академии как на учреждение коллективное, нужное для государства, как на почти безличное собрание высших представителей науки в России.

По мысли Петра Академия в Петербурге должна была быть не чем иным, как академией по голландскому типу, то есть собранием ученых, занятых разработкой науки, с одной стороны, но и обязанной профессурой, в частности, в России обязанной обучать первых тогда особенно нужных учителей и техников.

В Голландии и ныне называют университеты академиями. Надо думать, что Петр основывал вовсе не академию в смысле Академии Парижской, а академию в смысле академии голландской, то есть университет. Нельзя было иначе сделать, как пригласить для этого иностранных ученых. Надобность в этом длилась, можно сказать, до времени, памятного еще многим ныне действующим и живущим.

Когда в 50-х годах мне самому пришлось быть в Петербурге студентом Педагогического института, в нем лучшие профессора были академики. Брандт читал при этом нам зоологию, отчасти по-латыни, отчасти по переведенным с латинского его запискам; Рупрехт читал ботанику по-латыни, а потом как славянин научился скоро по-русски и излагал уже предмет этот на русском языке; Купфер и до конца своего профессорства излагал лекции в Педагогическом институте на французском языке. У нас же учили Остроградский, Устрялов и другие академики, большинство которых тогда было иностранцы, русских ученых было немного, а те, которые были, – в Академии не находились, чему достаточное доказательство видим в том, что и Карамзин членом Академии не был. В настоящее время эта функция Академии совершенно истощена, то есть в настоящее время иностранные академики профессорами не делаются, и как не умели приехавшие говорить по-русски, так и остаются до сих пор, потому что нет никакой для них причины учиться русскому языку и приблизиться к интересам России.

Высшая педагогическая деятельность, бывшая в уме Петра первою обязанностью академика, составлявшая долгое время действительно крупную сторону деятельности академиков, прекратилась совершенно по той причине, что делу, можно сказать, поневоле из его первоначального положения придали новое, до тех пор не бывшее положение.

Представим себе, что академики – как это и в самом деле

было – хорошо учили русских. Ведь они должны были их научить, они должны были родить потомство русских ученых, и педагогической деятельностью тогда должны были заняться по преимуществу природные русские, потому что отдать высшее образование в обширной стране иностранцам, конечно, не было ни в мыслях венценосного учредителя Академии, ни в целях всего учреждения.

Вот теперь и находимся мы в том положении, когда это сделать могли, благодаря в особенности усилиям 30-х годов, приложенным к педагогическому делу графом Уваровым, который особенно неустанно хлопотал о науке и достиг, в самом деле, того, что высшие учебные учреждения в России стали переходить из немецких рук в руки русских. Так, например, во всех специальностях, которые мне наиболее близки, дело было за последние десятки лет в следующем положении.

Еще в 30-х годах главным профессором химии в Петербурге был, несомненно, Гесс, ему обязаны своим развитием многие русские химики того времени, хотя он только вдохновлял на лекциях, вовсе не хлопотал о практических занятиях в лабораториях, то есть не делая званных для того, чтобы из них вышли немногие избранные. Избранных доставало. Так, например, мой покойный учитель А. А. Воскресенский был ученик Гесса, как он сам неоднократно мне говорил, интересовался много химией, будучи студентом, но практически заниматься этим предметом в лаборатории то-

гдашней, бывшей в Педагогическом институте, не мог, потому что не было близко руководителя. Так, например, в Казани 30-х годов химики были немцы, в особенности известен Клаус, не менее памятный в науке, чем Гесс, оба оставившие хорошее имя в этой науке. Там, в Казани, точно так же узнал химии, но ей не научился Зинин. И благодаря тому, что в это время отправляли многих за границу для изучения предметов, Зинин и Воскресенский вернулись из Германии и Франции совершенно готовыми русскими химиками, прошедшими практическую школу науки у первостепенных ученых того времени – у Либиха, Лорана, Тенара, Розе и других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.